

Декабрьским днём молодой человек пришёл в одно из известных московских издательств, чтобы предложить рукопись романа и познакомиться с редактором. Однако и в приёме рукописи, и в знакомстве ему отказали, а текст попросили отправить по электронной почте и ждать ответа.

В том, что роман не примут, молодой человек не сомневался, но до последнего надеялся, что от редактора придёт хотя бы письмо примерно следующего содержания: «Уважаемый Павел Дмитриевич! К сожалению, мы вынуждены отклонить Вашу рукопись „Дорога“. Советуем её доработать и прислать повторно. Желаем успеха!»

Прошли четыре месяца, во время которых Павел делал запросы, но впустую. Стало ясно: предстоит непростое объяснение с Зинаидой Захаровной, а у него нет никаких доказательств того, что вообще заходил в издательство.

История с «Дорогой» началась весной: звонок тёти Кати, старшей сестры матери, застал его врасплох.

— Слушай, Паша, — тётя говорила, как всегда, быстро. — Ты же у нас вроде писатель?

— Есть немного, — улыбнулся юноша.

— Я сейчас в гостях у Зинаиды Захаровны. Помнишь её?

— Конечно. А разве она в Якутске? Она же уехала в Подмосковье.

— Уже вернулась, — сказала тётя тихо, по-видимому, чтобы её не услышали. — Павлик, — продолжила она, — у Зинаиды Захаровны к тебе дело, сейчас я дам ей трубочку.

— Павел, здравствуй! — голос бывшего директора школы и учительницы географии, несмотря на почтенный возраст, звучал бодро и деловито. — После Павла Дмитриевича остались стихи. Я хочу в память о нём выпустить книжку. Посоветуй, с чего начать.

— Надо выбрать издательство и отнести туда рукопись в распечатанном виде и в электронном.

— А у меня только от руки записи Павла сохранились. Ты можешь мне помочь? Я заплачу. Сколько это стоит?

— Не в курсе, никогда не сталкивался.

— Узнай, пожалуйста, — настаивала Зинаида Захаровна. — Мне бы напечатать книжку небольшим тиражом.

— Хорошо, — согласился молодой человек.

Он сразу вспомнил Павла Дмитриевича, а для него дядю Пашу. Вот он, худощавый, высокий, во фланелевой рубашке, заправленной в синее трико, курит на лестничной площадке. Ещё с дядей Пашей у него ассоциировались настольный хоккей и чай с вареньем. Чай с вареньем Павел до сих пор предпочитал любому заморскому кофе.

Павел Дмитриевич и Зинаида Захаровна Фёдоровы раньше жили с тётей Катей в одном подъезде. Сейчас квартиру Фёдоровых занимал их внук Максим, который, несмотря на молодость, недавно получил солидную должность. Ему доводилось пересекаться с Максимом в городе, но тот, не узнавая прежнего знакомого, проходил мимо.

Во время разговора с Зинаидой Захаровной Павла насторожило то, что при таких возможностях внук за девять лет не опубликовал дедову рукопись, хотя легко мог это сделать. Может быть, потому что нечего издавать?

Весь первый класс Паше пришлось жить в семье тёти Кати: родители были вынуждены уехать в село для ухода за больной бабушкой. Соседи часто бывали друг у друга, а Максим, внук Фёдоровых, круглый отличник, спортсмен, взял над ним шефство. Утром одиннадцатиклассник ждал Павлика у почтовых ящиков, забирал его, надо сказать, нелёгкий портфель.

— Успеешь натаскаться! — обещал он ребёнку, не желавшему расставаться с непрременным атрибутом школьника.

Максим крепко держал мальчика за руку, особенно при переходе через улицу, а как-то раз, когда Паша поскользнулся и упал прямо на проезжую часть, быстро подхватил его и перенёс на другую сторону. Вечером того же дня Павел Дмитриевич, осмотрев Пашины ботинки, для устойчивости сделал наклейки на подошвы.

С таким товарищем, как Максим, первоклассник не боялся ни местных собак, ни туманов в сорокаградусные морозы, ни забияк-одноклассников.

Павел Дмитриевич опекал Павлика и после школы: кормил обедом, ходил с ним на прогулку. Иногда люди принимали мальчика за его внука, и мужчина радовался этой ошибке.

— Похожи мы с ним, полные тёзки, — добавлял он.

Вскоре после звонка Зинаида Захаровна попросила Павла зайти за рукописью. Бывшая директор жила в небольшой квартире со старой мебелью, но радовалась возвращению в Якутск, где остались друзья и старший внук.

— Там такая тоска на меня навалилась, — призналась она. — Дочь на службе с утра до вечера, зять и младший внук тоже. Мне не только пообщаться, даже поздороваться было не с кем.

Перед тем как отдать аккуратно сложенные в папку листы, исписанные широким почерком супруга, она показала Павлу альбом, который подарили её мужу коллеги по проектному институту.

Ничего подобного молодой человек раньше не видел. Фотографии Павла Дмитриевича сопровождались поздравительными рисунками, надписями в стихотворной форме, выполненными каллиграфическим почерком.

— Тысяча девятьсот восемьдесят второй год? — удивился Паша. — Всего шестьдесят было, и он ушёл на пенсию! Так рано?

— Тогда почти все так уходили. Пенсии хватало. Он хозяйством занимался, помогал внуков растить, я-то до семидесяти пяти отбарабанила. Уговаривал он меня, чтобы

с ним дома сидела, а я в школу рвалась. Вскоре и времена пошли другие, на одну пенсию стало трудно жить.

Зинаида Захаровна хотела дать Павлу аванс, но он отказался.

Родители Паши никакого интереса к творчеству Павла Дмитриевича не проявили; наоборот, желание сына помочь Зинаиде Захаровне вызвало негодование, особенно у матери.

— Как ты попался на эту удочку? Ничего она тебе не заплатит! Откуда у неё деньги? Катерина тоже хороша. Кто её за язык тянул? Тебе заниматься надо, а не рукописи чужие разбирать. Когда ты только за ум возьмёшься? — ворчала мать. — Год лоботрясничал на математическом факультете — бросил, третий год учишься на экономическом кое-как.

— Но я же работаю на радио, — возразил Павел.

— И что? всю жизнь собираешься быть ведущим?

— Мне нравится.

— Да мало ли что кому нравится?! Получишь профессию, устроишься к нам в управление, тогда делай что хочешь! В конце концов, сочини свой, мы не запрещаем, но на чужое время тратить зачем? Что, у нас денег нет? И в кого ты такой? Вот с твоей старшей сестрой никаких проблем не было. Окончила университет и делает потихоньку карьеру, а ты...

Конечно, тётя Катя сильно преувеличила его литературные способности. Да, он участвовал в совещании молодых писателей и опубликовал несколько рассказов, но в данном случае требовалось не самому написать и не просто набрать текст, но и отредактировать его. Подобный опыт у него отсутствовал. К тому же строки дяди Паши оказались далёкими от совершенства, но поздравления внукам и друзьям с днями рождений, посвящения любимой жене, раздумья об одиночестве, о нереализованных планах подкупали своей искренностью:

Мне не дано уже рубить сплеча,
Лишь остаётся тюкать топором.
Догорает Пашкина свеча,
Старость давит, лезет напролом...

Зинаида Захаровна торопила Павла, а ему было невдомёк: куда она спешит? Столько лет записи лежали мёртвым

грузом, и если бы не тётя Катя, упомянувшая о склонности племянника к литературному творчеству, то, скорее всего, и пылились бы дальше.

Когда Павел, наконец, отдал Зинаиде Захаровне распечатанную вёрстку будущей книжки вместе с электронным вариантом и получил от неё пять тысяч за работу (она пыталась дать десять), то словно гора свалилась с его плеч. Благо, насчёт всего остального вдова договорилась сама, но не в издательстве, а в небольшой рекламной фирме.

Но не минуло и недели, как Зинаида Захаровна побеспокоила снова.

— Я тебе очень благодарна, Павел, книжка удачная получилась. Как выйдет, приглашу знакомых на чай, Павла Дмитриевича вспомним, — она вздохнула и продолжила после долгой паузы: — Мне неудобно тебя обременять, но больше некого попросить: Павел Дмитриевич оставил записи, что-то вроде дневника, назвал их «Дорога». Я обещала ему их опубликовать, но сомневалась: надо ли? А сейчас думаю, что необходимо. Это же бесценный человеческий опыт. Может быть, кто-то прочтёт и задумается, правильно ли живёт.

— Не знаю, смогу ли помочь. Объём большой?

— На роман потянет.

— Ладно, посмотрю, — сдался Павел, — но возьмусь за работу не раньше, чем сдам сессию, примерно в конце июня.

Как всегда, его подвело любопытство. Едва получив «Дорогу», Павел уже не мог не прочитать рукопись, не думать о её событиях и героях, в одном из которых, инженере-строителе, легко узнал Павловича Дмитриевича.

Однако дело продвигалось медленно. В сентябре он представил Зинаиде Захаровне только половину рукописи. На этот раз она вручила ему, несмотря на сопротивление, пятнадцать тысяч и литровую банку варенья из чёрной смородины.

— С нашей дачи! Сама готовила! — объявила она. — Павлу Дмитриевичу оно очень нравилось.

— Да, у него даже есть эпизод в записях: в строительном балкэ герой угощает товарищей вареньем, а в это время из радиоприёмника доносится: «Ночь коротка, спят облака...»

Текст был почти готов, когда Зинаида Захаровна во время очередного звонка дала Павлу указание:

— Вы поедете в Москву с гастролями танцевального ансамбля.

— Зачем?

— Повезёте «Дорогу» в... — она назвала издательство.

— Боюсь, меня туда и на порог не пустят.

— Павел, я обо всё договорилась. Поедешь с моим бывшим учеником, поможешь им с реквизитом и прочими мелочами. А на порог тебя пустят, потому что ты полный тёзка автора романа.

Зинаида Захаровна говорила командирским тоном. Точно таким тоном разговаривала и супруга главного героя «Дороги». Сюжет романа состоял в том, что по настоянию жены ещё полный сил и энергии инженер-проектировщик уходит на пенсию, чтобы заниматься дачей и внуками. По забыв охоту и рыбалку, в последние годы он живёт у дочери, потому что его кашель (у героя хронический бронхит) раздражает супругу. Он всегда уступает молодой по сравнению с ним, дедом, жене, не желая огорчать, а бессонными ночами задаёт себе вопросы:

Быть может, жизнь не терпит копий розовых,
А я её с кого-то рисовал?

Теперь молодому человеку стало ясно, что в какой-то момент дядя Паша оказался под каблуком властной супруги, о чём горько сожалел после, доверяя свои мысли только бумаге. Сейчас грозный каблук Зинаиды Захаровны пытался придавить и его. Впрочем, перспектива побывать в столице показалась весьма заманчивой.

Ответа из Москвы не было, и Павел решил показать рукопись Миرونу Антонову, опытному редактору.

— Слушай, а вещь-то интересная, — похвалил Антонов. — Тема неизбитая и показана в новом ракурсе. В принципе, можно кое-что подшаманить и опубликовать хотя бы частично в журнале. Эх, знал бы ты, Паша, сколько людей зарыли в землю свой талант! Встреться Павлу Дмитриевичу вовремя на пути добрый наставник, думаю, он мог бы такое создать...

Заручившись поддержкой, которая, по мнению Павла, скрасит неудачу с московским издательством, он решился на встречу с Зинаидой Захаровной; та уже давно не выходила с ним на связь. Однако ни домашний, ни сотовый телефоны вдовы не отвечали, и визит к ней домой результата не дал. Беспокоясь, не случилось ли что, Павел отправился в офис Максима.

Кабинет, который занимал глава инвестиционного фонда, оказался небольшим, но уютным. Пашу бывший «шеф», как он и предполагал, не узнал.

— Павел, — представился он. — Я по просьбе вашей бабушки готовил книжку Павла Дмитриевича. А это его роман.

Он положил перед Максимом папку с рукописью.

Мужчина поправил очки.

— Роман? Ты ничего не путаешь?

Молодого человека покорило обращение к нему на «ты», но он сделал вид, что это не столь важно.

— Я пришёл, потому что не могу дозвониться до Зинаиды Захаровны.

— Она звонки не слышит да забывает то одно, то другое. Она с нами на даче.

Максим машинально полистал рукопись.

— Ты подготовил стихи деда?

— Да.

— Интересно. Выходит, бабушка не хотела меня беспокоить и поручила тебе. Не знал, — признался Максим. — Что ты предлагаешь с этим делать?

Хозяин кабинета постучал по рукописи.

— Пришёл у вас узнать. Текст я набрал, посоветовался с профессиональным писателем, он согласен отредактировать, но надо заплатить.

О том, что и ему тоже полагается плата, Павел промолчал.

— А ты чем занимаешься? Журналист?

— Заканчиваю экономический и подрабатываю ведущим на радио.

— Издать книгу? Её будут читать? — хмыкнул Максим, глядя в упор в глаза посетителя, и, не дождавшись ответа,

продолжил недовольно: — Доход от книги будет? Нет. Это бабушкины прихоти. Представь, несколько лет назад она пожелала переехать в Подмосковье к моим родителям. Купили ей квартиру в соседнем с ними подъезде. И что? Через полгода давай проситься обратно. Пришлось жильё продать, здесь купить. Потом решила поменять dedu памятник на могиле, потом оградку, хотя всё было вполне приличным. Дедов роман откуда-то извлекла. Уверен: она давно забыла о рукописи и о тебе.

— Возможен и такой вариант, но роман-то есть! — не выдержал Павел.

Ему стало жаль и напрасно потраченного времени, и несбывшейся надежды обрести в лице Максима единомышленника. Выходит, отец с матерью были абсолютно правы.

— Ладно, я посмотрю записи деда и свяжусь с тобой.

— Да уж почитайте, будьте так добры!

— Вот ты язвишь, — Максим улыбнулся, — а баба Зина мне своими инициативами, честное слово, мозг выносит.

— Сочувствую, но дед-то вам чего желал?

И он, словно сидел не в чужом служебном кабинете, а в радиостудии перед микрофоном, продекламировал:

Будь здоров и телом, и душой,
Их трудом и волей закаляй.
Постарайся твёрдостью мужской
Не поранить ближних невзначай.

— Откуда знаешь? — хозяин кабинета смотрел недоверчиво.

— Я же составлял книжку стихов. Дед вам эти строки на восемнадцатилетие посвятил. Так? И ручку подарил серебряную. Сказал, чтобы вы ею приказы подписывали, когда станете большим начальником.

Понимая, что может выдать себя с головой, Павел быстро добавил:

— О ручке Зинаида Захаровна рассказала.

— Было такое, — Максим извлёк из внутреннего кармана ту самую ручку. — Осуществляю пожелания деда Паши. Кстати, — припомнил он, — ручка была в оригинальном футляре, но его у меня тогда кто-то выпросил.

Общение с Максимом вызвало у Павла тягостное чувство. «Тыканье», намерение поскорее отделаться от неожиданного посетителя, недоверие — не этого ожидал он от старшего внука Фёдоровых. То, что тот его не узнал, не удивило, хотя молодому человеку казалось, что он мало изменился. К сожалению или к счастью, внешность Паши не отличалась солидностью, особенно выражение лица, которое продолжало оставаться детским.

«Голос у тебя, Павел, шикарный, но на сцене ты держаться совершенно не умеешь», — не раз замечали ему. А он и не стремился на сцену, не желал быть на виду, хотя и любил читать наизусть и стихи, и прозу. В этом отношении радио подходило ему идеально, тем более что директор не придирался по мелочам и поощрял творческую инициативу сотрудников.

Максим не позвонил. По-видимому, роман деда не произвёл на внука впечатления, если он вообще удосужился его хотя бы раскрыть.

Казалось, можно было поставить точку на истории с попавшей к нему случайно рукописью, но Павел не мог забыть печальный лейтмотив стихов Павла Дмитриевича.

Седьмого мая, выйдя в вечерний эфир, он вспомнил, что ровно десять лет назад в этот день не стало дяди Паши. Наверное, к этой дате и спешила Зинаида Захаровна издать произведение покойного мужа.

«Я должен что-то сделать в память о нём», — решил молодой человек. Он связался с Максимом.

— Добрый вечер! Городская радиостанция «Север». Павел Фёдоров.

— Кто? — не сразу понял собеседник.

— Павел Фёдоров. Я оставил вам рукопись романа вашего деда.

— Да, вспомнил.

— Извините, у вас есть поблизости радио? Я собираюсь сейчас рассказать о Павле Дмитриевиче.

— Приёмник в машине. Какая частота?

— Сто семь и пять.

— Дорогие горожане! Сегодня в нашем цикле «Песни Победы» прозвучит «Случайный вальс» в исполнении

Леонида Утёсова. Стихи Евгения Долматовского, музыка Марка Фрадкина. Эту песню очень любил наш земляк, фронтовик Павел Дмитриевич Фёдоров. Предки Павла Дмитриевича были государевыми ямщиками. По Иркутско-Якутскому тракту не одно столетие они возили почту. И в дождь, и в морозы, и в жару. Вся их жизнь была связана с дорогой. Возможно, поэтому после войны Павел Дмитриевич окончил автодорожный институт и вернулся в Якутию, чтобы строить и проектировать города, посёлки и дороги.

Павел немножко волновался, представляя себе, как учил его редактор, не многоликую аудиторию радиослушателей, а одного человека, Максима.

Едва Максим остановился на обочине, как в эфире зазвучал голос ведущего. Вначале ему показалось, что голос принадлежит кому-то другому, а не Павлу, таким он был спокойным, размеренным, проникающим в самое сердце, обращённым только к нему. А потом поплыла песня:

Будем дружить,
Петь и кружить.
Я совсем танцевать разучился
И прошу вас меня извинить.

Максим знал песню наизусть, но сейчас вдумывался в каждое слово. Перед глазами, словно это было вчера, кружились в вальсе дедушка с бабушкой.

Когда музыка смолкла, мужчина хотел набрать Павла, но передумал, вспомнив, что тот в прямом эфире. Ему стало стыдно: в суматохе дел не удосужился позвонить молодому человеку, поблагодарить за беспокойство, за память о деде.

Перед тем как тронуться с места, он отправил сообщение: «Будем дружить! Я вспомнил, Паша, это тебе я отдал футляр от серебряной ручки. Роман опубликуем. Спасибо!»

Несмотря на десятый час вечера, было сравнительно светло: белые ночи постепенно вступали в свои права. Впереди Максима лежали километры дороги, спроектированной его дедом. И как когда-то дед, он спешил на дачу к любимой семье и бабушке Зине.